

— Стоило мне задать пару пустяковых вопросов, как ты тут же явился?

Юй Цинъинь иронично вскинул бровь, намеренно называя судьбоносные тайны «пустяками».

— Ты ведь очень хотел меня видеть, не так ли? — Яо Е слегка закинул голову, и их дыхание смешалось.

— Тебе правду сказать или солгать? — Цинъинь не отстранился. Между их губами оставался едва ли дюйм.

— Разумеется, правду.

— Правда в том, что не хотел. А ложь — в том, что мечтал об этом.

В улыбке Юй Цинъиня сквозило тягучее, почти осязаемое кокетство. Яо Е тихо рассмеялся — в этом смехе слышались и насмешка, и странная нежность.

— Прошло сто лет, а ты, оказывается, так поднаторел в искусстве обольщения... Я бы даже превратился в женщину, лишь бы тебе угодить, — лис обвил руками шею Юй Цинъиня. — А теперь взгляни на нас: ты мужчина, и я мужчина, но ты продолжаешь сыпать этими приторными нежностями?

Цинъинь рассмеялся в ответ и собственнически обхватил Яо Е за талию. Пусть тот и пребывал в мужском обличе, гибкостью стана он не уступал ни одной красавице.

— А что мне мешает?

Яо Е, будучи девятихвостым небесным лисом, принадлежал к тому редкому и порочному роду, что считался истинным даром небес — существом двуполом, в чьем естестве сплетались чары обоих полов.

— Ха-ха! — Яо Е бесстыдно уткнулся носом в изгиб шеи Цинъиня, сотрясаясь от хохота. — В те времена всё было так же. Ты был «Хуанъньюй», которую Учитель держал в золотой клетке, а я — твоей «младшей сестрёнкой»... И ведь мы вытворяли вещи куда более постыдные, чем сейчас. Помнишь, как это привело Учителя Фэна в бешенство?

Он вмиг замер, всё еще обнимая лиса.

— Хуанъньюй? — безжизненно переспросил Цинъинь.

Яо Е коснулся его щеки, продолжая улыбаться:

— До того как пройти через Нирвану и переродиться, ты был «Хуанъньюй» для Учителя... и моим пятым старшим братом.

Юй Цинъинь оттолкнул его и вскочил. От волнения его мысли путались, а слова сбивались в нелепицу:

— Если Хуанъньюй — это «дева», то как я мог быть «старшим братом»?!

Разве он похож на дурака? Клан Фениксов, в отличие от девятихвостых лис, не знал двуполости. Он никогда не слышал, чтобы в его роду рождались подобные существа.

— «Хуанъньюй» — это всего лишь обращение. Неужели ты забыл и это? — Яо Е продолжал невозмутимо излагать вещи, которые казались полным безумием. — Ах, нет... Скорее, ты никогда и не знал истинного значения этого прозвища.

Цинъинь замер, неосознанно закусив губу.

— «Хуанъньюй» — это ласковое имя, которым самец-феникс называет свою нареченную супругу, — пояснил лис.

Юй Цинъинь, который после перерождения жил вдали от сородичей, ничего об этом не ведал.

— Но меня больше интересует другое, — Яо Е изящно поправил рассыпавшиеся волосы; в каждом его жесте сквозило порочное очарование. — Плод вашей с Учителем любви... он ещё жив?

«Плод нашей любви?» — Юй Цинъинь растеряно захлопал глазами, не понимая, о чем речь.

Взгляд Яо Е внезапно стал ледяным и острым:

— Та маленькая птица, которую ты защищал ценой жизни... Ты даже об этом не помнишь?!

Перед глазами Юй Цинъиня внезапно вспыхнула яркая сцена. В голове потемнело, а тело пробила крупная дрожь.

***

Клинок с хрустом пронзил грудную клетку. Он не успел ни уклониться, ни даже осознать происходящее. Учитель рывком вытянул окровавленную сталь и тут же замахнулся для нового

удара.

Какая бездонная ненависть заставила этого человека, связанного с ним самыми близкими узами, жаждать его смерти?

Юй Цинъинь в бессилии опустился на землю. Одной рукой он упирался в пыль, а другой отчаянно прижимал рану, из которой толчками выплескивалась жизнь.

Сначала физическая боль казалась чем-то реальным, почти осязаемым. Но с потерей крови каждое движение превращалось в муку, проникающую до самых костей. Ему казалось, что тысячи призраков из преисподней вцепились в его Линшэнь, пытаясь уволочь его на восемнадцатый круг ада.

Но Цинъинь не боялся этой боли.

Пусть Учитель срезает плоть с костей кусок за куском. Пусть подвергнет тысяче терзаний.

Любую муку можно стерпеть. Потому что сейчас он не имел права умирать. Только не сейчас...

— А я-то думал... ты заплачешь, — атака Учителя прекратилась. — Хуанъньюй... ты ведь всегда больше всех боялся боли.

«Ха...» — Цинъинь горько усмехнулся про себя.

Разве он не хотел плакать? Но в глазах не осталось ни слезинки. Чем ему было плакать?

Нельзя сдаваться. Нельзя показывать слабость. Нельзя позволить этому мечу оборвать его путь.

Даже если придется лишиться всей своей силы, даже если придется отдать эту жалкую жизнь — он не подчинится такой судьбе.

Их финал не должен быть таким!

***

Обрывки воспоминаний проносились перед глазами, словно искры. Юй Цинъинь прижал ладонь к груди, где всё ещё ныл старый шрам.

Неужели малыш Нехуан на самом деле...

— Ты хочешь сказать, что я и Учитель... два мужчины... произвели на свет потомство? Какая нелепость.

— Верь во что хочешь. Само наше существование — уже большая нелепость, — Яо Е равнодушно пожал плечами.

— Кажется, я начинаю видеть, что скрывается за маской Учителя, — Юй Цинъинь устало прикрыл глаза рукой. — Но если так, почему он до сих пор не оставил меня в покое?

Если тогда он так страстно желал его смерти, то зачем теперь вернулся и ходит по пятам?

Учитель... ты всё ещё ненавидишь меня?

— Наверное, он и сам ищет ответ, — Яо Е посмотрел куда-то вдаль.

Каждый из них, запутавшись в этой паутине, блуждал в потемках. Все они ждали финала, ждали истины.

Но какой бы выбор ни сделал Бог Феникс на этот раз, Яо Е не отступит. Даже если ему не суждено получить сердце Цинъиня, он заберет его самого.

— Похоже, я разбередил в твоей памяти то, что стоило оставить в покое, — лис с улыбкой склонился к его уху. — Цин-Цин, обязательно выживи.

Он нежно, без всякой похоти, поцеловал Юй Цинъиня в уголок губ. В воздухе разлился знакомый аромат, пробуждая мимолетную тоску по прошлому.

Силуэт лиса начал медленно таять, и вскоре на земле остался лишь спящий разношерстный лисёнок. Юй Цинъинь всё ещё не мог вспомнить подробностей их общего с Яо Е прошлого, но в его сердце начало медленно оживать забытое тепло.

Му Сибай вернулся с рынка. Увидев Цинъиня в саду, он едва заметно нахмурился.

— Здесь кто-то был? — спросил он, отставляя покупки и подходя ближе.

— Нет. С чего ты взял?

Они оба скрывали свои истинные цели, играя в молчанку.

Му Сибай промолчал, переводя взгляд с лисички на бледные губы Юй Цинъиня.

— Скажи... ты стал бы мне лгать?

— Что?

Юй Цинъюнь едва не перестал улыбаться, хотя и старался поддерживать этот вид. К чему такие вопросы? С чего вдруг зашел разговор о лжи? В этой жизни Му Сибай ни капли не изменился: Цинъюнь не мог прочесть ни тени эмоций на его лице, не мог уловить ни малейшего колебания чувств.

—... Ты говорил, что ты — Глава Павильона Юйсюань. Когда же ты меня туда отведешь? — Му Сибай отвел глаза, непринужденно меняя тему.

— Ах, и вправду. Пора навестить Нехуана.

Юй Цинъюнь с готовностью подхватил новую тему — он и сам боялся, что Му Сибай что-то заподозрит.

После откровений Яо Е он лишился покоя. По правде говоря, он просто не знал, как теперь смотреть в глаза этому ребенку.

— Хорошо.

Бросив это короткое слово, Му Сибай скрылся в доме.

«И даже не спросил, кто такой Нехуан?» — прошептал Юй Цинъюнь, поглаживая спящего Яо Ланьмэя.

Ни один из них не заметил, что маленький лисёнок приоткрыл один глаз и долго смотрел вслед уходящему Му Сibaю.

После празднования дня рождения Му Сибая атмосфера в доме стала натянутой. После долгих раздумий (в которых участвовал только он сам), Юй Цинъюнь решил, что пора отправляться в Город Чанъюань — прогуляться по столице, а заодно начать «собирать армию», чтобы вернуть Му Сibaю его законный трон.

Му Сибай выслушал это решение без единого возражения. Однако в последующие дни он начал подозрительно часто исчезать.

За день до назначенного отъезда Му Сибай снова пропал, а когда вернулся, Юй Цинъюнь ясно почувствовал перемену. Аура, исходившая от него, больше не походила на дыхание простого смертного.

Троица отправилась в путь на конной повозке.

Юй Цинъинь рассуждал просто: чтобы сделать Му Сибая императором, нужно сначала прибрать к рукам казну, затем — армию, и шаг за шагом сокрушить нынешнюю власть. Если бы Симин Синцзюнь узнал об этих планах, он бы не знал, плакать ему или смеяться. У Цинъиня не было ни малейшего таланта к государственным интригам.

Среди четырех божеств-хранителей Лазурный дракон символизировал власть, Белый тигр — кару и войну, Сюаньфу — мудрость, а Чжунцзюэ — милосердие. Очевидно, что Юй Цинъинь не был рожден для лидерства, битв или хитроумных игр разума. Его стихией были вино, цветы и праздная нега.

По правде говоря, исполнение обещания, данного Му Сибая, уже не имело для него значения, но чтобы не вызвать подозрений, Цинъинь продолжал разыгрывать роль верного соратника, радеющего за счастье «смертного» принца.

Повозка мерно покачивалась, в салоне царило неловкое молчание. Яо Ланьмэй после того, как в его тело наведалься Яо Е, стал на диво тихим и почти всё время спал. Без его шума Юй Цинъинь и Му Сибай, которым было нечего сказать друг другу, погрузились в безмолвное созерцание.

Му Сибай не выказывал желания общаться: он отодвинул занавеску и смотрел на проносящийся мимо пейзаж. Юй Цинъинь же, глядя на его профиль, невольно уплыл в воспоминания.

Он вспомнил их общую поездку в мир смертных — тогда с ними был ещё и Вэйян. В те дни Му Сибай был невероятно навязчив. Он следовал за Цинъинем тенью, вмешивался в каждую мелочь его быта, буквально прорастая в его жизнь.

Му Сибай взял на себя все заботы: сам покупал еду и вино, прислуживал у кареты, из-за чего Вэйян, чьей прямой обязанностью было следить за комфортом хозяина, изнывал от скуки. Но больше всего Цинъиня поражало одно: едва оказавшись среди людей, Му Сибай первым делом покупал пирожные с османтусом и буквально впихивал их ему. Юй Цинъинь не был против лакомства, но такая одержимость ставила его в тупик.

«Пусть покупает, раз ему так хочется», — тогда Цинъинь не стал спрашивать. Он только и мечтал, чтобы Му Сибай поскорее исчез с глаз, что дало бы ему возможность с головой окунуться в веселое распутство и пьянство. — «А мы пойдем своим путем».

«Вот только, Глава...» — подал тогда голос Вэйян, глядя на своего сияющего предвкушением хозяина. — «Кошелек-то остался у молодого господина Му».

Это означало, что без Му Сибая они не могли сделать и шагу — в карманах не было ни единого медного гроша.

Юй Цинъинь, только что светившийся радостью, вмиг помрачнел, словно небо перед бурей.

— Что?!

Вэйян лишь развел руками. Перед уходом Му Сибай молча забрал кошелек, «случайно» оставив на его месте книгу. Вэйян подобрал её и открыл на заложенной странице:

«Хочешь удержать сердце мужчины — накорми его досыта. Хочешь удержать сердце ветреного повесы — отбери у него кошелек».

С трудом сдерживая дрожь в руках, Вэйян закрыл книгу и увидел на обложке имя автора:

Юй Цинъинь.

<http://bllate.org/book/17464/1697680>